F. Sungatov

Abstract. The article presents the results of archaeological research of mounds IX and X of the Temyasovo-1 burial ground, located in the Baymak District of the Republic of Bashkortostan. Under the burial mounds, burial chambers containing the remains of three and seven buried persons were found. The anthropological research showed that in mound IX remains belong to a 10-12 years old teenager, a woman and a man of mature age. On all three skulls there are traces of severe artificial deformation of the circular type. One skull is defined as Caucasoid with some mongoloid features.

The burial equipment from the burials is typologically close to the material culture of the population of the Ural-Aral region of the Late Sarmatian time (II-IVth centuries A.D.). Odontological data indicate a "mixed" morphotype of the buried. The nature of the distribution of various genetic abnormalities, judging by the results of the study of the bones from mound IX allows to conclude that the buried were relatives. This conclusion most likely indicates that those 7, buried in collective grave pits, were also in kinship.

Analysis of indicators of mechanical stress of the physical activity indicates that the man and woman (barrow IX) were riders.

The discovered inventory includes various artifacts: spindles, fibulas, a kalach-shaped earring, long knives with bone handles, a bronze cauldron with two loop-shaped handles, polyhedral beads, a metal mirror, earthenware. The article gives a morphological description of the discovered objects, provides analogies from synchronous monuments of the South Urals, the Lower Volga region, discusses the issues of their dating, determines the place of the complexes in the chronological scale of the Hun-Sarmatian antiquities of the Ural-Aral region. The existing analogies, the data on the reciprocity of chronologically significant artifacts, and radiocarbon analysis make it possible to date the burial complex in the framework of the III century A.D. and attribute it to the antiquities of the Hun-Sarmatian time. The determination of the chronological position of the complexes allows us to clarify the chronological framework of the existence of the Temyasovo necropolis.

Key words: Southern Urals, Ural-Aral Region, Hunno-Sarmatian culture, late Sarmatian Time, Temyasovo-1, burial ground, chrono-indicator, fibula, curl-shaped earring, spinning wheel, bronze cauldron

Citation. Sungatov F., 2020. Revisiting the data concerning the Temyasovo kurgans dating. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 53-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.004>

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 18.03.2020
Дата принятия статьи: 13.11.2020

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ТЕМЯСОВСКИХ КУРГАНОВ

Фларит Абдулхаевич Сунгатов

канд. ист. наук / директор / учебно-научный археологический музей БашГУ
г. Уфа, Российская Федерация / E-mail: sungatov58@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований курганов 9-10 могильника Темясово-1, расположенного в Баймакском районе Башкортостана. Под курганными насыпями выявлены погребальные камеры, содержавшие останки трех и семи захороненных соответственно. Антропологическое определение показало, что в кургане 9 они принадлежат подростку 10-12 лет, женщине и мужчине зрелого возраста. На всех трех черепях имеются следы выраженной искусственной деформации циркулярного типа. Один череп определяется как европеоидный с некоторой долей «монголоидных» признаков.

Погребальный инвентарь из погребений типологически близок материальной культуре населения Урала-Аральского региона позднесарматского времени – II-IV вв. Одонтологические данные указывают на «смешанный» морфотип погребенных. Характер распределения различных генетических аномалий, судя по результатам исследования костяков из кургана 9, позволяет говорить о родстве погребенных. Данный вывод с большой вероятностью указывает на то, что захороненные в коллективных могильных ямах (всего в могильнике исследовано 7 таких захоронений), также состояли в родственных отношениях. Анализ индикаторов механического стресса типа физической активности свидетельствует о том, что мужчина и женщина (курган 9) являлись всадниками.

Обнаруженный инвентарь представлен различными изделиями: пряслицами, фибулами, калачиковидной серьгой, длинными ножами с составной костяной рукоятью, бронзовым котлом с двумя петлевидными ручками, полиэдрическими бусами, металлическим зеркалом, глиняными сосудами. В статье дается морфологическое описание обнаруженных предметов, приводятся аналогии из синхронных памятников Южного Урала, Нижнего Поволжья, обсуждаются вопросы их датировки, определяется место комплексов в хронологической шкале гунно-сарматских древностей Урало-Аральского региона. Имеющиеся аналогии, данные взаимовстречаемости хронологически значимых артефактов и радиоуглеродного анализа позволяют погребальный комплекс датировать в рамках III в. и отнести к древностям гунно-сарматского времени. Определение хронологической позиции комплексов позволяет уточнить хронологические рамки существования Темясовского некрополя.

Ключевые слова: Южный Урал, Урало-Аральский регион, гунно-сарматская культура, поздне-сарматское время, Темясово-1, могильник, хроноиндикатор, фибула, калачиковидная серьга, пряслице, бронзовый котел

Цитирование. Сунгатов Ф.А., 2020. К вопросу о датировке Темясовских курганов // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 53–70. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.004>

Темясовский курганный могильник известен научному сообществу со второй половины XX века. Он находится в Баймакском районе Республики Башкортостан, восточнее села Темясово, на возвышенности широкого мыса правого берега р. Сакмары, в местности, именуемой «Карагай-мун» (*баш.* – *Сосновый мыс*).

По архивным данным и сведениям научной литературы известно, что могильник в своем составе насчитывал 13 курганных насыпей. Памятник выявлен в 1963 г. М.Х. Садыковой. В тот же год ею был раскопан один курган без следов захоронения [АКБ, 1976. С. 190]. В 1970–1972 гг. раскопки курганов проводил Н.А. Мажитов, эти материалы были введены в научный оборот публикацией А.Х. Пшеничникова и М.Ш. Резяпова [Пшеничник, Резяпов, 1976. С. 132–140]. В 1990 г. памятник осмотрен Б.Б. Агеевым [АПБ, 1996. С. 223. № 391]. Экспедициями Р.А. Мигранова¹ в 1998 г. и под руководством Ф.А. Сунгатова в 2014 г. было исследовано по одному кургану.

В настоящей статье публикуются материалы раскопок курганов № 9 и № 10, которые не только пополняют источниковую базу по гунно-сарматскому (позднесарматскому) времени Урало-Аральского региона, но и служат решению ряда дискуссионных научных проблем.

ОПИСАНИЕ КОМПЛЕКСОВ

Курган 9. Диаметр 12 м, высота 0,5 м. Вскрытие выявленной могильной ямы привело к обнаружению трех костяков, лежавших параллельно друг другу. Погребальная камера простой конструкции, длинными стенками ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, размеры ямы 2,45×2,80 м, глубина от уровня материка 75 см, стенки отвесные, дно ровное, углы округлые (рис. 1). В заполнении ямы прослежены фрагменты истлевшего дерева.

Костяк 1 располагался у длинной северо-западной стенки ямы. Анатомический порядок рас-

положения костей скелета нарушен – кости ног отсутствуют за исключением одной тазобедренной кости, располагавшейся параллельно локтевым костям правой руки. Тазовые кости сдвинуты. У костяка также отсутствуют кости левой руки. Позвоночный столб с явным искривлением. Череп имеет четкие следы искусственной деформации, судя по которым определяется принадлежность его подростку 10–12 лет². Судя по сохранившимся *in situ* костям, можно утверждать, что захороненный был ориентирован головой на северо-запад и уложен на спине (рис. 1; 2). При костяке какие-либо предметы, за исключением раздавленного лепного неорнаментированного сосуда, не обнаружены (рис. 3, 9–10).

Костяк 2 (женский), уложенный вытянуто на спине с ориентировкой головы на северо-запад, располагался в центре могильной ямы. Скелет принадлежит женщине зрелого возраста (35–50 лет). Лицевая часть черепа слегка повернута на восток (рис. 1; 2). Скелет имеет хорошую степень сохранности, череп с признаками циркулярной деформации. На его правой скуловой кости зафиксирован след окислившегося бронзового изделия. С левой стороны под черепом обнаружена бронзовая серьга калачиковидной формы (рис. 3, 1–2).

Левая кисть находится частично под кистью правой руки костяка 3. На левом и правом запястьях находились золотостеклянные бусины и бусы светло-зеленого стекла (браслет?) плохой сохранности. Ниже левой ключицы костяка обнаружена крупная бронзовая фибула (рис. 3, 3–4).

Костяк 3 (мужской) располагался у северо-восточной длинной стенки могильной ямы в положении вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 1; 2). Череп в раздавленном состоянии, имеет следы искусственной деформации, лицевой частью повернут на восток. Скелет принадлежит мужчине зрелого возраста (35–50 лет).

Костяк имеет хорошую степень сохранности. Кости рук сохранились полностью, кисть правой

¹ Автор статьи выражает благодарность Р.А. Мигранову за возможность публикации материалов его раскопок.

² Здесь и далее антропологическое определение черепов из погребения кургана 9 выполнено к.б.н. В.В. Куфтерным.

Рис. 1. Курганный могильник Темясово-1. Курган №9. План погребения: 1 – глиняный сосуд; 2, 3 – серьги; 4 – бронзовая фибула; 5, 6 – золотостеклянные бусы; 7 – глиняное пряслице; 8 – бронзовый котел; 9 – железный нож с костяной рукоятью; 10 – остатки подстилки

Fig. 1. Temyasovo-1 burial mound. Burial plan of mound №9: 1 – earthen vessel; 2, 3 – earrings; 4 – bronze brooch; 5, 6 – gold-glass beads; 7 – clay spindle; 8 – bronze cauldron; 9 – iron knife with a bone handle; 10 – litter remnants

Рис. 2. Курганный могильник Темясово-1. Фото погребения кургана №9

Fig. 2. Temyasovo-1 burial mound. Photo of the burial mound №9

руки частично покоится на кисти левой руки костяка 2 (рис. 2). Левая нога вытянута, правая согнута в колене и отставлена в сторону по направлению на юго-запад. Кости правой ступни находятся в анатомическом порядке, кости левой не сохранились.

У правой височной кости найдено ассиметричное биконическое глиняное пряслице (рис. 3, 5-6). Слева от черепа обнаружен бронзовый котел с двумя ручками (рис. 3, 11). Параллельно левой бедренной кости находился однолезвийный железный нож с костяной заполированной ручкой (рис. 3, 7-8). Острием нож ориентирован на северо-запад. Под костяком в районе ног были зафиксированы

следы органической подстилки (рис. 1; 2). Также фиксировались остатки волокон подстилки под кистями рук костяка 2 и 3.

Устанавливается следующая последовательность захоронения: первым был погребен подросток, в дальнейшем к нему было совершено подзахоронение еще двух умерших. Видимо, при совершении захоронений произошло частичное разрушение костяка 1 – кости левой руки и ног большей частью оказались за пределами ямы. Женщина и мужчина (костяки 2 и 3) были погребены одновременно, на что указывает расположение кистей рук (правой у костяка 3 и левой у костяка 2).

Рис. 3. Курганный могильник Темясово-1. Погребение кургана №9. Инвентарь: 1-2 – серьга со стеклянными вставками (костяк 2 – фото и рисунок); 3-4 – бронзовая фибула (костяк 2 – фото и рисунок); 5-6 – глиняное пряслице (костяк 3 – фото и рисунок); 7-8 – железный нож с костяной рукояткой (костяк 3 – фото и рисунок); 9-10 – глиняный сосуд (костяк 1 – графическая реконструкция и реконструкция в программе 3D Max 2011); 11 – бронзовый котел (костяк 3 – фото)

Fig. 3. Temyasovo-1 burial mound. Funeral inventory of burial mound № 9: 1-2 – earring with glass inserts (skeleton 2 – photo and drawing); 3-4 – bronze brooch (skeleton 2 – photo and drawing); 5-6 – clay spindle (skeleton 3 – photo and drawing); 7-8 – iron knife with a bone handle (skeleton 3 – photo and drawing); 9-10 – earthen vessel (skeleton 1 – graphic reconstruction and reconstruction in the 3D Max 2011 program); 11 – bronze cauldron (skeleton 3 – photo)

Курган 10. Диаметр 10 м, высота 0,4 м. Вскрытие выявленной могильной ямы привело к обнаружению семи костяков (рис. 4). Четыре костяка, относящиеся к индивидуумам зрелого возраста, лежащим параллельно друг другу, занимали почти всю площадь могильной камеры, а три подростковых костяка располагались в южной половине ямы: череп костяка 5 находился на правой голени, а череп костяка 6 – на левой ступне костяка 1. Останки костяка 7, принадлежащего индивидууму младенческого возраста, были зафиксированы южнее костяка 3.

Погребальная камера простой конструкции, длинными стенками ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, размеры ямы 2,7×1,95 м, глубина от уровня материка 1,0 м, стенки отвесные, дно ровное, углы округлые. В заполнении ямы на различной глубине прослежены фрагменты истлевших деревянных плах, а древесная кора прослежена на дне ямы вдоль западной длинной и короткой южной стенок. Под погребенными и почти на всей площади дна камеры фиксировался тонкий слой органического тлена (войлок?).

Костяк 1 располагался у длинной северо-западной стенки ямы. Анатомический порядок расположения костей скелета нарушен – голенные

кости правой ноги, обе стопы, левая тазобедренная, предплечевые и локтевые кости отсутствуют. Черепная коробка, лежавшая на затылке, раздавлена. Судя по сохранившимся анатомический порядок костям позвоночного столба, ног и положению черепа можно заключить, что захороненный был ориентирован головой на север-северо-запад и уложен вытянуто на спине (рис. 4).

При костяке находилось несколько предметов: в 20 см западнее черепа бронзовая фибула с остатками ткани на игле, над правой ключицей серебряные нашивки треугольной формы в количестве 16 экземпляров (рис. 5, 3-4) и восемь полусферических округлой формы из бронзы (рис. 5, 2), над левой лопаткой окислившийся железный предмет, в 15 см ниже нашивок – одна янтарная бусина эллипсоидной формы (рис. 5, 25).

Костяк 2 уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад, располагался в центре могильной ямы параллельно костяку 1 (рис. 1; 2). Скелет имеет хорошую степень сохранности, лежит вытянуто на спине. Черепная коробка лежит на затылке. Правая рука вытянута вдоль туловища. Локтевые кости с кистью левой руки отсутствуют. Ноги вытянуты вдоль оси туловища.

Западнее ступни правой ноги находились серебряная фибула (рис. 5, 29) и подвеска из бронзового листа округлой формы (рис. 5, 27), а южнее, у стенки могильной камеры и ниже ступней левой ноги – два пряслица, эллипсоидной и усеченно-конической форм (рис. 5, 33-34). Здесь же, ниже ступни правой ноги, стоял небольших размеров лепной глиняный сосуд (5, 40).

Рис. 4. Курганный могильник Темясово-1. Курган № 10. План погребения.

Костяк 1: 1(28) – бронзовая фибула; 2 – остатки предмета из железа; 3(2-4) – серебряные и бронзовые нашивки; 4(25) – янтарная бусина.

Костяк 2: 5(29) – серебряная фибула; 6(27) – бронзовая подвеска; 7-8(33-34) – глиняные пряслица; 9(40) – глиняный сосуд.

Костяк 3: 10(26) – бронзовая подвеска, 11(8-9) – полиэдрические бусы, 12(30) – фибула из железа.

Костяк 4: 13(6-7, 10-24) – полиэдрические бусы; 14(32) – изделие из рога (кистень?); 15(41-55) – овечьи астрагалы и костяные фишки; 16(38) – железный нож с костяной рукояткой; 17(31) – бронзовое зеркало; 18(39) – глиняное пряслице; 19-20(35-36) – глиняные кувшины.

Костяк 5: 22(37) – глиняный сосуд; 23(5) – бусина; 24(1) – бусина из гагата.

Костяк 7: 21 – остатки деревянного сосуда (в скобках дана нумерация находок, приведенных на рис. 5)

Fig. 4. Temyasovo-1 burial mound. Burial plan of kurgan № 10.

Skeleton 1: 1(28) – bronze brooch; 2 – remains of an object made of iron; 3(2-4) – silver and bronze stripes; 4(25) – amber bead. **Skeleton 2:** 5(29) – silver brooch; 6(27) – bronze pendant; 7-8(33-34) – clay spindle; 9(40) – clay vessel. **Skeleton 3:** 10(26) – bronze pendant; 11(8-9) – polyhedral beads; 12(30) – iron brooch. **Skeleton 4:** 13(6-7, 10-24) – polyhedral beads; 14(32) – artifact made of horn (flint?); 15(41-55) – sheep astragals and bone chips; 16(38) – iron knife with a bone handle; 17(31) – bronze mirror; 18(39) – clay spindle; 19-20(35-36) – clay jugs. **Skeleton 5:** 22(37) – earthen vessel; 23(5) – bead; 24(1) – jet bead. **Skeleton 7:** 21 – remains of a wooden vessel (the finds shown in Fig. 5 are numbered in brackets)

Рис. 5. Курганный могильник Темясово-1. Погребение кургана №10. Инвентарь: 1 – стреловидная бусина; 2 – полусферическая бронзовая нашивка; 3-4 – серебряные нашивки; 5 – бусина, мергель; 6-24 – полиэдрические бусы; 25 – янтарная бусина; 26-27 – подвески, бронза; 28 – фибула, бронза; 29 – фибула, серебро; 30 – фибула, железо; 31 – серебряное зеркало; 32 – кистень(?); 33-34, 39 – глиняные пряслица; 35-37, 40 – глиняные сосуды; 38 – нож с костяной рукоятью. Рисунки Н.С. Савельева, 1998 г.

Fig. 5. Temyasovo-1 burial mound. Funeral inventory of burial mound № 10. 1 – arrow-shaped bead; 2 – hemispherical bronze patch; 3-4 – silver stripes; 5 – mergel bead; 6-24 – polyhedral beads; 25 – amber bead; 26-27 – bronze pendants; 28 – bronze brooch; 29 – silver brooch; 30 – iron brooch; 31 – silver mirror; 32 – brush (?); 33-34, 39 – clay spindle; 35-37, 40 – clay vessels; 38 – knife with a bone handle. Picture and drawings by N. Savelev, 1998

Костяк 3 располагался восточнее костяка 2 в сильноискорченном положении на левом боку. Череп покоился на левом виске, лицевой частью обращен на восток. Ноги сильно согнуты в коленях и плотно прижаты к груди. Правая рука согнута под прямым углом и слегка отставлена за спину, кисть покоилась за тазом (рис. 4).

У шейных позвонков зафиксировано нахождение округлой подвески из бронзовой тонкой пластины (рис. 5, 26), в области грудной клетки – двух полиэдрических бусин, насаженных на бронзовую проволоку (рис. 5, 8-9) и фибулы из железа (рис. 5, 30).

Костяк 4 располагался между длинной восточной стенкой погребальной ямы и костяками 3 и 7. Захороненный уложен вытянуто на спине, голова ориентирована на север-северо-запад. Череп покоится на правом виске и лицом обращен на запад. Левая рука слегка согнута под тупым углом, правая находится в вытянутом положении. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. На поверхности костей скелета и под ним, а также по его бокам фиксировались остатки древесной коры, в которую было завернуто тело погребенного. Кора дерева перекрывала кости голени левой ноги костяка 3 (рис. 4).

Над плечевой костью погребенного обнаружено 17 бус полиэдрической формы (рис. 5, 6-7, 10-24). Левее коленной чашки над остатками коры дерева обнаружено изделие (кистень?) из рога (рис. 5, 32). В ногах погребенного в кожаном мешочке плохой сохранности находились астрагалы в количестве 103 экземпляров и две таблетковидной формы фишки. Из общего числа астрагалов 11 с граффити (рис. 5, 41-51), пять – со следами сверления (рис. 5, 41, 50-53). Граффити также снабжена одна из фишек (рис. 5, 55).

Слева от мешочка с астрагалами находились железный нож с костяной рукоятью, острием ориентированным на северо-запад (рис. 5, 38), бронзовое зеркальце (рис. 5, 31), глиняное пряслице ассиметричной грушевидной формы (рис. 5, 39). У южной короткой стенки могильной ямы были размещены два глиняных кувшина (рис. 5, 35-36).

Костяк 5, принадлежащий подростку, выявлен в южной половине погребальной камеры. Захороненный уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад. Череп раздавлен и покоится на затылке. От костей рук сохранилась только часть правой локтевой кости. Ноги вытянуты вдоль оси туловища (рис. 4).

При костяке у ступни левой ноги находился лепной глиняный сосуд средних размеров (рис. 5, 37), у правой кисти были расчищены бусы плохой сохранности, в том числе таблетковидной формы из мергеля(?) белесо-серого цвета (рис. 5, 5) и гагатовая стреловидной формы (рис. 5, 1).

Костяк 6, принадлежащий, судя по черепу, подростку, выявлен в южной половине погребальной камеры. Костяк плохой сохранности, от него сохранился только раздавленный череп, лежавший

Рис. 5 (продолжение). Курганный могильник Темясово-1. 41-53 – астрагалы с граффити; 54-55 – костяные фишки таблетковидной формы. Прорисовки граффити даны в развороте. 41-55 – фото и рисунки Н.С. Савельева, 1998 г.

Fig. 5 (continued). Temyasovo-1 burial mound. 41-53 – astragalus with graffiti; 54-55 – костяные pill-shaped chips. Graffiti drawings are given in the spread. 41-55 – foto and drawings by N. Savelev, 1998

на затылке на стопе левой ноги костяка 1. Остальные кости отсутствуют, что, видимо, связано с его разрушением при помещении в могилу умершего, обозначенного нами как костяк 2 (рис. 4). Погребальный инвентарь при скелете не обнаружен.

Костяк 7 располагался между костями ног костяков 2 и 4 и ниже (южнее) костяка 3 (рис. 4). Кости скелета плохой сохранности, от него сохранился фрагментированный череп, верхний отдел грудной клетки и левая предплечевая кость. Судя по сохранявшимся анатомический порядок костям, можно заключить, что захороненный был уложен вытянуто на спине с ориентировкой головы на север-северо-запад. Размеры костей указывают, что данные останки относятся к ребенку младенческого возраста.

При погребенном в области предполагаемого нахождения стоп ног был расчищен деревянный сосуд небольших размеров с двумя металлическими скобами длиной около 3 см. Форму сосуда и его размеры в силу плохой сохранности зафиксировать не удалось.

Последовательность захоронений с учетом характера расположения скелетов и их частичного разрушения при очередном совершении подзахоронения устанавливается следующим образом: костяк 1 → 5 → 6 → 2 → 3 → 7 → 4.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Новые исследования на Темясовском могильнике показали, что погребальные камеры находились под индивидуальной земляной насыпью округлой формы. Какие-либо дополнительные конструкции над курганом и в самой насыпи не обнаружены. Диаметр курганов колеблется в пределах от 10 до 12 м, высота не превышает 0,5 м, глубина ям достигает 1 м. В насыпи кургана 9 встречены следы тризны в виде неорнаментированных фрагментов керамики.

Погребальные камеры длинными стенками ориентированы в меридиональном направлении с небольшим отклонением к западу. Могильные ямы простой конструкции и в плане имеют форму широкого прямоугольника. Стенки ям вертикальные, дно ровное. В заполнении исследованных погребальных ям встречены остатки деревянных плах. Причем в яме кургана 10 деревянные плахи были зафиксированы на плечах длинных стенок. Данное обстоятельство указывает, что над могильной ямой сооружалось перекрытие. Плахи размещались поперек длинной оси ямы.

Полученные данные по устройству погребальной камеры позволяют сделать вывод, что они являлись своего рода семейными усыпальницами. Для осуществления подзахоронений доступ в камеру, находившийся, видимо, с южной или северной стороны и сверху, на что указывают положения частично разрушенных скелетов ранее погребенных, сохранялся до времени помещения в усыпальницу последнего умершего. После этого доступ в усыпальницу закрывался и над могильной ямой насыпался земляной холм.

Определение темясовских коллективных погребений семейными усыпальницами имеет свое подтверждение исследованиями генома захороненных из погребения кургана 9. Геномные исследования установили, что подросток является сыном покоившихся рядом мужчины и женщины. Причем, женщина и подросток принадлежат одной митохондриальной гаплогруппе (u5B), а мужчина к другой (D4), одновременно указывающей на его возможное восточное (азиатское) происхождение [Krzewińska et al., 2018].

Погребальные камеры содержали от трех до семи скелетов погребенных. Все они ориентированы головами в северный сектор с некоторым отклонением к западу. В большинстве случаев погребенные были уложены в вытянутом положении на спине (8 случаев). Один скелет погребенного находился в сильно скорченном положении: на левом боку с подогнутыми в коленях и прижатыми к груди ногами, отставленными за спину руками. Подобное, но не тождественное, положение костяка редко встречается в других синхронных памятниках [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 116; 144]. В одном случае зафиксировано положение погребенного в так называемой «атакующей» позе – руки вытянуты вдоль туловища, левая нога вытянута, а правая согнута в колене. Погребения с такой позой скелета находят аналогии в памятниках Южного Приуралья [Малашев, Яблонский, 2008. С. 45. Рис. 37; 90], Зауралья [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 22, III; 32, VII] и Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1984. С. 74].

В исследованных курганах дно погребальных камер несет признаки наличия подстилки в виде однородной органической массы темно-серого цвета (войлок?). В одном случае вдоль одной длинной и короткой стенок ямы прослежены остатки деревянных плах, установленных на торец.

В одном случае зафиксирован такой элемент погребального обряда, как оборачивание тела умершего лубом или корой. Об этом свидетельствуют истлевшие их остатки над и под скелетом 4 погребения кургана 10, а также по его бокам.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Бусы и ожерелья. Коллекция бус из исследованных погребений двух курганов представлена изделиями из различного материала. Среди них присутствуют: янтарная эллипсоидной формы диаметром 1,5 см (рис. 5, 25), гагатовая стреловидной формы длиной 1,5 см со сквозным отверстием на одном конце (рис. 5, 1), из камня белесо-серого цвета коротко-цилиндрической формы диаметром 1,5 см (рис. 5, 5).

В составе инвентаря погребения кургана 10 обнаружены полиэдрические (14-гранные) бусы, всего 19 экземпляров. Изготовлены они из камня темно-фиолетового цвета. На одной из бусин сохранилась спиралевидная из бронзовой проволоки прорезь (рис. 5, 6-24), указывающая, что нанизанные на проволоку бусы составляли ожерелье. Территория распространения таких ожерелий, по дан-

ным В.Ю. Малашева, охватывает районы Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья, Южного Урала, Зауралья, Центрального Кавказа, а хронологические рамки их бытования укладываются в III век [Малашев, Яблонский, 2008. С. 64].

Калачиковидная серьга (рис. 3, 1-2). У украшения относительно удовлетворительно сохранилось лишь тулово, состоящее из двух рельефных пластин, имеющих полушаровидные выпуклости в боковых частях. Нижняя часть оформлена в форме трехбусинной грозди. На внешней и оборотной стороне серьги – стеклянные вставки в гнездах. Одна из них из стекла с золотой фольгой и желто-коричневым внешним слоем, вторая – из стекла светло-зеленого цвета.

Аналогии подобным серьгам имеются в памятниках степного Южного Урала [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 4, 12; 6, 8; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 12, 8], а также в Приуралье [Пшеничнюк, 1992. Рис. 3, 1-2; 6, 6-7]. Подобный тип украшений является переходной формой калачиковидных серег к образцам гроздевидных салтовского облика [Боталов, 2009. С. 190. Рис. 60; Древняя история..., 2000. С. 242].

Подвески. Обнаружены 2 однотипных экземпляра. Изготовлены из тонкого гладкого листа бронзы, имеют форму округлого диска диаметром 1,7-2 см со сквозным отверстием в центре. Края одной из них загнуты и образуют невысокий бортик (рис. 5, 26-27).

Нашивные бляшки. Обнаружены при костяке 1 кургана 10. Представлены двумя типами. Первый из них (24 экз.), изготовленный из тонкой серебряной пластины, имеет подтреугольную форму, вершины которой оформлены в виде округлого выступа с отверстиями. По периметру изделия оттиск псевдозерни, образующий в центре каплевидную или подтреугольную фигуру с гладкой поверхностью (рис. 5, 3-4).

Второй тип нашивных бляшек (8 экз.) изготовлен из бронзы и имеет полусферическую форму с двумя диаметрально расположенными отверстиями по краям (рис. 5, 2). Данные бляшки являются широко распространенными в кочевнических погребениях первых веков нашей эры. В большом количестве они обнаружены в погребениях джеты-асарских могильников Восточного Приаралья, датируемых периодом от последних веков до н.э. до IV-V вв. н.э. [Левина, 1996. С. 209. Рис. 110].

Фибулы (4 экз.) Две фибулы из бронзы однотипны: имеют высокий сплошной приемник с завитком на конце, низкий коленчатоизогнутый корпус из пластины вытянуто-подтреугольной формы и стержневидную иглу. Пружина четырехвитковая с верхней тетивой. Длина фибул находится в пределах 5,4-5,6 см (рис. 3, 3-4; 5, 28).

Фибулы данной формы рядом исследователей выделены в особую группу [Амброз, 1966. С. 46. Рис. 5, 19; Скрипкин, 1977. С. 114-115; Кропотов, 2010. С. 182-183]. Они представлены в материалах позднесарматских захоронений волго-донских [Гущина, Фирсов, 2000. Рис. 5, 6; Клепиков и др.,

2006. Рис. 13, 5; Скрипкин, 1977. Рис. 6, 2-5] и приуральских степей [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 2, 10; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 23, 13; 25, 14; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 167, 10; 172, 2, 7; 173, 3 и др.]. Отдельные экземпляры обнаружены далеко к северу от основной территории их расселения [Терехова, Чемякин, 1983. С. 136. Рис. 2, 9], а также на Северном Кавказе, где они указывают на присутствие позднесарматского компонента среди населения Центрального Кавказа [Абрамова, 2007. Рис. 44, 9; Малашев, 2010. Рис. 2, 5].

А.К. Амброз склонялся к мысли, что данные фибулы являются южноуральским вариантом и датированы концом III – началом IV вв. н. э. [Амброз, 1966. С. 46, 95]. Мнение А.К. Амброза о месте их производства затем было подтверждено анализом сплавов фибул Лебедевского могильника [Мошкова, 2000. С. 192].

А.С. Скрипкиным аналогичные фибулы выделены в хронологическую группу более широкого диапазона – конца III – IV вв. н.э. и представлены как самые поздние находки у сарматов Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1977. С. 115. Рис. 6, 6-17; Скрипкин, 1984. С. 32, 53. Рис. 12, 32]. М.Г. Мошкова такие находки помещает в более ранний хронологический отрезок и ограничивает их время концом II – первой половиной III вв. н.э. [Мошкова, 2000. С. 190-191; Мошкова, 2008. С. 253].

Комплексы, содержащие аналогичные фибулы, В.Ю. Малашев по совокупности представленных в них хроноиндикаторов считает возможным датировать в рамках III в. Опираясь на результаты датировки фибул и ременной гарнитуры Покровских могильников, он указывает на хронологическую лакуну, датируемую IV в. [Малашев, Яблонский, 2008. С. 62-63].

Аналогичные находки с территории Урало-Казахстанских степей С.Г. Боталовым отнесены к раннему этапу гунно-сарматских древностей – II-III вв. [Боталов, 2009. С. 199]. Предпринятый анализ хронологической позиции фибул эпохи раннего железного века В.В. Кропотов показал, что фибулы данного типа бытовали в основном в рамках III века [Кропотов, 2010. С. 204. Рис. 57, 6].

Третья фибула (рис. 5, 29), длиной 6 см, изготовлена из серебра, является вариантом описанных выше. Данный вариант отличается только характеристикой спинки, имеющей овально-ромбическую форму, периметр которой окантован короткими насечками, образующими зигзаг. Такой же орнаментальный элемент, идущий по оси фибулы, делит ее спинку на две равные части.

Данные для датировки фибул этого варианта, что было отмечено В.В. Кропотовым, ограничены, так как комплексы, из которых они происходят, редко содержат хронологически значимые находки: лишь в девяти случаях вместе с ними были найдены лучковые подвязные фибулы разных вариантов, сильно профилированные с бусинами на дужке и шарнирные броши с эмалью. Среди других сопутствующих им вещей отмечены четырехгранные курильницы, орнаментированные зеркала-под-

вески и зеркала-подвески с центральной петлей, пряжки с фасетированными язычками, сердоликовые 14-гранные бусы. Все эти предметы наиболее характерны для периода повсеместного господства позднесарматской культуры (конец II – первая половина III вв. н.э.), но продолжают бытовать и в более позднее время. В.В. Кропотовым также отмечено, что в сарматских захоронениях конца III – IV вв. н.э. фибулы с завитком на конце приемника до сих пор не встречены. Исходя из этого, период бытования таких фибул он ограничил концом II – III вв. н.э., поставив под сомнение возможность их использования в следующем столетии [Кропотов, 2010. С. 204. Рис. 57, 7-8].

Четвертая фибула, длиной 5,5 см, изготовлена из железа (рис. 5, 30). Несмотря на то, что предмет сильно корродирован, форма ее устанавливается. Фибула двухпластинчатая. Головка и ножка из пластины подтреугольной формы, спинка равномерной ширины дугообразная, высокая. Способ крепления основания иглы к головке и форма приемника остались, в силу плохой сохранности предмета, невыясненными. Аналогичные находки в Урало-Аральском регионе нам неизвестны.

Зеркало (1 экз.) представлено отполированным бронзовым диском с неорнаментированной поверхностью диаметром 6 см. Аналогичная находка содержится в погребении кургана 7 [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. Рис. 1, 18]. Зеркала данного типа имели длительный период бытования на широкой территории. По мнению А.М. Хазанова, наибольшее распространение они имели на сусловском этапе сарматской культуры, позднее встречаются редко [Хазанов, 1963. С. 64]. В Восточном Приаралье аналогичные находки встречаются в памятниках джетыясарской культуры, где датированы в диапазоне от последних веков до н.э. и по VI в. н.э. [Левина, 1996. С. 231. Рис. 158, 10-22]. Нахождение зеркал этого типа в памятниках салтовской культуры указывает на продолжение их бытования как анахронизма и в более позднее время – в VII-IX вв. [Аксенов, 2008. С. 442. Рис. 1, 1-6]. А.Х. Пшеничнюк при первой публикации материалов раскопок Темясовского могильника, с учетом того, что в позднесарматских памятниках преобладают зеркала-подвески, их присутствие на этом памятнике считал пережиточным явлением [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 146].

Глиняные пряслица (4 экз.). Представлены биконической, усеченно-биконической, эллипсоидной и ассиметричной грушевидной формами (рис. 3, 5-6; 5, 33-34, 39).

Биконические и усеченно-биконические пряслица, высотой в среднем 3 см и наибольшим диаметром 4,4 см, встречаются во многих комплексах II-IV вв. н.э. Урало-Казахстанских степей [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 9, 50; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 159, 3-4; Терехова, Чемякин, 1983. Рис. 2, 13]. Судя по данным В.Ю. Малашева, такая форма пряслиц в Покровских могильниках является ведущей [Малашев, Яблонский, 2008. С. 65]. Эта же форма пряслиц является единственной в

серии находок из ранее исследованной части Темясовского могильника [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 146. Рис. 1, 9-12].

Эллипсоидной и ассиметричной грушевидной формы пряслица в Темясовском могильнике встречаются впервые. Первое из них имеет диаметр 4 см, высоту 2 см, второе – диаметр 3,5 см, высоту 3 см. Находки пряслиц эллипсоидной формы в памятниках II-IV вв. Урало-Аральского региона крайне редки, известные аналогии происходят из могильника Целинный I Зауралья [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 26, 16] и встречаются в джетыясарских некрополях Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 100]. Также малочисленны находки пряслиц ассиметричной грушевидной формы: в единичных экземплярах они представлены в памятниках степной зоны Южного Урала и Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 99; 100; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 173, 7].

Ножи однолезвийные с прямой спинкой и слегка сужающимся в нижней трети к острию лезвия. Насады рукоятей без оформленного перехода в лезвие. На костяных ручках, состоящих из двух отполированных костяных пластин, фиксируются 3 железных штифта. Штифты скрепляли костяные пластины с полотном рукояти. Место перехода рукояти в лезвие оформлено в виде арочного выреза. Длина ножа, судя по хорошо сохранившемуся экземпляру, составляет 24,5 см, длина рукояти – 11 см, длина лезвия 16,8 см, ширина 1,5 см, толщина – 0,3 см (рис. 3, 7-8; 5, 38).

Круг аналогий ножам подобной конструкции достаточно широк и указывает на то, что основная территория их распространения – степная зона от низовьев Дона до Зауралья и Восточного Приаралья [Беспалый, 1990. Рис. 1, 32; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 23, 3; Левина, 1996. С. 203. Рис. 97; Безуглов, 1997. Рис. 2, 22; Малашев, Яблонский, 2008. С. 65. Рис. 174, 3; Мошкова, 2008. С. 251. Рис. 9, 5]. Самый близкий по морфологическим особенностям экземпляр обнаружен в кургане у д. Машевка Саратовской области [Гущина, Фирсов, 2000. Рис. 3, 1].

В.Ю. Малашев допускает, что данные предметы своим происхождением могут быть связаны с указанными выше районами. Однако, учитывая особый принцип сложносоставной конструкции рукояти и качество металла, он не исключает их более восточное происхождение [Малашев, Яблонский, 2008. С. 65]. Но особенности оформления рукояти рассматриваемого ножа, а также то, что ножи с костяной рукоятью из других регионов имеют отличия, следует ограничить основной ареал их бытования границами Урало-Аральских степей.

Параметрические данные ножа указывают на специфику его функционального назначения: они встречаются в инвентарных наборах как компонент бытовой культуры, но иногда входили и в состав воинской экипировки [Безуглов, 1997. С. 135]. Из этого следует, что данный предмет, безусловно, двойного назначения.

Бронзовый котел имеет яйцевидное тулово и низкоуплощенную выделенную подножку. Припаянные к тулову ручки арочной формы снабжены 3 грибовидными отростками. В верхней части тулова украшено одним тонким горизонтальным швом. На тулове в двух местах заметны следы ремонта в виде заплаток. Высота котла 19,6 см, диаметр устья 13,5 см, диаметр подножки 4,8 см, толщина стенок 0,5 см.

Под каждой ручкой котла имеются утопленные в стенку углубления до 2-3 мм: одно из них округлых очертаний диаметром 1 см, второе – в виде шестиугольника диаметром 1,2 см. Вероятно, данные углубления на стенке котла несут какую-то смысловую нагрузку и, по нашему предположению, могут являться тамгами. Для такого суждения имеется основание, выражающееся в наличии аналогии – котел из Наваринского погребения, имеющий тамгообразный знак, помещенный также под ручкой котла. По заключению С.Г. Боталова, наличие тамг под ручками котлов есть своеобразная традиция гунно-сарматского населения [Боталов, 2006. С. 373. Рис. 4.1, 1-2].

Котлы этого типа большей частью обнаружены в комплексах, датируемых II-III вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 132. Рис. 14, 7; Боталов, 2006. Рис. 4.1, 1-2; Боталов, 2009. С. 190; 202; Древняя история..., 2000. С. 241]. Исследователи указывают, что они имеют много общего с находками в Туве. Тувинский регион рассматривается связующим в транзите этих форм котлов из Ордоса и Монголии через Урало-Казахстанские степи в Заволжье [Боталов, 2009. С. 202, 228. Рис. 58].

Исследование Н.А. Боковенко установило, что находки котлов аналогичного типа локализуются также в Поволжье, а отдельные экземпляры найдены в Подонье и на Северном Кавказе. Дата их бытования ограничена исследователем рамками II-III вв. н.э. [Боковенко, 1977. С. 233-234].

Изделие из рога нами атрибутировано как ударное оружие – кистень. По форме изделие приближено к коротко-усеченному цилиндру, имеющему высоту 5 см, диаметр 7 см. На предмете имеется сквозное раструбообразное отверстие, сделанное по каналу рога. Диаметры входных отверстий составляют 1,5 см и 3 см. Неглубокое отверстие имеется и на месте спила рогового ответвления (рис. 5, 32).

Конструктивно кистень состоял из трех элементов: из «била», изготовленного в данном случае из основания рога крупного животного (лось?), гибкого кожаного крепления и деревянной рукояти. На использовании кожаного ремня в качестве крепления била с рукоятью через продевание сквозь отверстие указывает заполированность канала по всей длине. Результатом воздействия трения кожаного ремня на стенку отверстия может быть объяснена его раструбообразная форма. Последние два элемента оружия, в силу определенных причин, не сохранились.

Аналогичные находки в памятниках поздне-сарматского времени мне неизвестны. Видимо, кистень из Темясова является первым случаем обнаружения того, что А.Х. Пшеничнюк называл вещью сугубо мужской принадлежности [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 149].

Керамические сосуды. Из двух погребальных комплексов происходят 5 глиняных сосудов. Сосуды лепные, неорнаментированные. Первый характеризуется раздутым туловом, узким уплощенным дном, невысокой и слабоогнутой наружу шейкой. Плечико покатое, средней высоты. В тесте фиксируется примесь шамота. Изготовлен из ожелезненной среднепластичной глины с естественной примесью песка размером в концентрации 1:7. В составе теста присутствует шамот в концентрации 1:4 и органический раствор. Поверхность изделия носит следы предварительного заглаживания пальцами, а на завершающем этапе деревянным ножом. Поверхность серо-коричневого цвета. Обжиг произведен в окислительной среде³. Высота сосуда составляет 18 см, высота венчик 4 см, диаметр устья 7 см, диаметр максимального расширения тулова 17,5 см, диаметр дна 7 см (рис. 3, 9-10).

Второй сосуд меньшего размера: его высота 12 см, высота венчика 2 см, диаметр устья 10,5 см, диаметр максимального расширения тулова 14 см, диаметр дна 4,5 см. В отличие от первого, имеет высокое плечико. Поверхность серо-коричневая с пятнами красного-оранжевого цвета и налетом нагара (рис. 5, 35-37, 40).

Нахождение сосудов описанного типа в памятниках Урало-Аральского региона II-IV вв. н.э. не является редкостью. Они представлены в могильниках Друженский, Целинный I, Покровка-10 [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 13, 3 и др.; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 179, 2; 182, 9 и др.]. Характеристика формовочной массы и морфология указывают на принадлежность данных сосудов к ассортименту изделий гончаров населения Урало-Аральских степей II-IV вв. н.э.

В коллекции керамической посуды также присутствует миниатюрный лепной сосудик высотой 7 см. У сосуда отогнутый наружу прямой венчик, покатые плечики, вытянуто-яйцевидное тулово и округлое дно. Наружная поверхность сглажена. Аналогии миниатюрным сосудикам представлены в ряде памятников Приуралья II-IV вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 11, 10; 17, 8; Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 200, 10]. Соответствия группе миниатюрных сосудиков из могильника Покровка-10 В.Ю. Малашев находит в керамическом комплексе саргатской культуры [Малашев, Яблонский, 2008. С. 49]. В нашем случае данное керамическое изделие аналогий там не имеет. Предпочтительной выглядит позиция А.Х. Пшеничнюка, считавшего, что лепные горшки этого типа, наряду с другими, являются продуктом местного производства [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 147. Рис. 1, 13].

³ Анализ керамики из погребения кургана 9 произведен А.К. Файзрахмановой.

В погребении кургана 10 обнаружены два неорнаментированных кувшиновидных сосуда. Один из них небольших размеров, высотой около 7 см, имеет высокий плавно отогнутый наружу венчик и раздутое уплощенное тулово с высоким покатым плечиком. Высота венчика 2,5 см, диаметр устья 4,6 см, диаметр максимального расширения тулова 7 см, диаметр дна 4 см (рис. 5, 35).

Второй кувшин, высотой 18 см, высотой венчика 4 см, диаметром устья 6,5 см, диаметром максимального расширения тулова 14 см, диаметром дна 8,5 см, имеет высокое, незначительно сужающееся к основанию горло, высокое крутое плечико и уплощенное днище. Венчик по противоположным сторонам разной высоты. Поверхность темно-серого цвета (рис. 5, 36).

Находки кувшинов и кувшиновидных сосудов в памятниках Урало-Аральского региона нередки. Аналогии темясовским экземплярам с подобной профилировкой находятся в памятниках Восточного Приаралья [Левина, 1996. Рис. 74, 83] и Северного Кавказа [Абрамова, 2007. Рис. 42, 11; 61, 5], а территориально и хронологически близкие экземпляры представлены в некрополях Степного Приуралья [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 198, 10; 200, 9].

Деревянная посуда. Остатки деревянного сосуда обнаружены в ногах костяка 7 из кургана 10. В силу плохой сохранности установить форму сосуда не удалось. При нем находились две скобы, изготовленные из прямоугольной в сечении серебряной проволоки.

Находки остатков деревянной посуды в погребениях памятников Урало-Аральского региона первых веков нашей эры не редкость. Они содержатся в некрополях, исследованных в степной зоне Южного Урала [Малашев, Яблонский, 2008. С. 50] и Восточного Приаралья [Левина, 1996. С. 204].

Астрагалы. Обнаружены в кургане 10 при костяке 4, в кожаном мешочке в количестве 103 экз. (рис. 5, 41-53, 56-63). Все астрагалы, за одним исключением, овечьи, левые и правые. В коллекции представлены также астрагалы молодых особей, которые выделяются из общей серии малыми размерами (рис. 5, 61-63).

Среди астрагалов выделяются экземпляры с граффити на лицевой стороне (11 экз.): три сочетают в себе граффити и неглубокие признаки сверления, один имеет два противоположно отстоящих сквозных отверстия в узком боку, два снабжены только одним отверстием (рис. 5, 41-52, 56). В их числе представлены экземпляры, граффити которых переходит на обратную широкую сторону (рис. 5, 47-50). Знаки-граффити нанесены острым предметом и семантика их неясна.

На одном астрагале почти вся боковая поверхность срезана, а затем заполирована. Не затронутый срезом участок естественного углубления имеет округлую форму диаметром 0,5 см (рис. 5, 53). На нескольких таранных костях боковые поверхности сточены и имеют ровную поверхность (рис. 5, 37).

В коллекции астрагалов встречена в единственном экземпляре таранная кость козули, отличающаяся от овечьих определенными морфологическими характеристиками: астрагал козули более вытянутых пропорций и массивнее. Примечательно, что астрагалы козули в погребениях встречены в таштыкских памятниках Южной Сибири [Вадецкая, 1999. Табл. 44].

Астрагалы полисемантически и назначение их могло быть различным: бабками для игры, амулетом, сакральным предметом. Для определения их назначения необходим трасологический анализ, который в отношении представляемого материала не производился.

Обнаружение астрагалов в погребальных комплексах гунно-сарматского времени мне неизвестно. Их нет и в ранее исследованных курганах Темясовского могильника, но они присутствуют в материалах культуры населения как более раннего, так и позднего времени на достаточно широкой территории [Вадецкая, 1999. Табл. 73; Плетнева, 1967. С. 156; Кызласов, 1960. С. 141. Рис. 53; Левина, 1996. С. 75. Ил. 306]. По количеству их обнаружения в одном месте (255 экз.), начертанию граффити и характеру среза одной из узких боковых сторон астрагала к рассматриваемым наиболее близок средневековый комплекс из Верхнего Прииртышья [Археологические памятники в зоне затопления ..., 1987. Рис. 75, 1-26].

Среди астрагалов также обнаружены два изделия из кости таблетковидной формы диаметром 2 см и высотой 0,5 см (рис. 5, 54-55). На плоскости одной из них процарапаны расходящиеся от центра, намеченного в виде неглубокого углубления, линии. На поверхности второго экземпляра присутствуют следы смолянистого вещества черного цвета. Поверхность предметов заполирована.

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСОВ

Представленный погребальный инвентарь Темясовского некрополя состоит из достаточного количества хроноиндикаторов, позволяющих позиционировать его место в хронологической шкале древностей Южного Урала первой половины I тыс. н.э. Решение этой проблемы упрощается тем, что вопросы хронологии гунно-сарматских древностей достаточно хорошо разработаны [Боталов, 2009. С. 199-240; Малашев, Яблонский, 2008. С. 82-84].

Отметим, что приведенный выше круг аналогий артефактам из погребений курганов 9 и 10 целиком укладывается в рамки III века. Наиболее надежными хроноиндикаторами среди них являются серьга (рис. 3, 1-2), фибулы (рис. 3, 3-4; 5, 28-29) и полиэдрические бусы, насаженные на металлическую проволоку со спиралевидными завитками (рис. 5, 6-24). Остальные предметы датируются в более широком хронологическом диапазоне.

Включение хроноиндикаторов из погребений курганов 9-10 в корреляционную таблицу взаимовстречаемости хронологически значимых предметов, составленным В.Ю. Малашевым [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 210], позволяет сделать

вывод, что рассматриваемые комплексы, входя в состав группы I взаимосвязанных предметов, датируются второй половиной II – началом III в. В.Ю. Малашев также выделил еще две группы погребальных комплексов, хронологические рамки которых определены первой половиной – серединой III в. и серединой – второй половиной III [Малашев, Яблонский, 2008. С. 83]. В основу хронологических построений В.Ю. Малашева положен анализ бытования разных типов фибул, зеркал, полиэдрических бус, калачиковидных сережек, горшков с орнаментацией плечиков коническими выступами.

Выделение трех хронологических групп в корреляционной таблице В.Ю. Малашева выглядит стройным и вполне обоснованным. Однако, хронологическая позиция выделенных групп вызывает сомнение в связи с их конфликтом с радиоуглеродными датами трех костяков из кургана 9. Так, радиоуглеродный возраст костяка 2, принадлежащего женщине, указывает на дату 253 г. С ней согласуется радиоуглеродный возраст мужского костяка 3 (табл. 1). Разница между радиоуглеродным возрастом взрослых костяков в 18 лет с учетом вероятной погрешности выглядит вполне допустимой и не противоречит установленной в ходе исследова-

Таблица 1

Темясово, курган 9	95% low Cal BC	95% high Cal BC	Probability (unless 95%)	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$
костяк 2	123	253	92,90%	-18	15
костяк 3	85	235		-17,9	15,4
костяк 1	128	323		-17,9	12,9

ния погребения кургана 9 одновременности захоронений мужчины и женщины.

Радиоуглеродная дата костяка 1, принадлежащего подростку, видимо, завышена, а на фоне радиоуглеродного возраста костяков 2-3, и вовсе не корректна, так как находится в явном противоречии. Судя по археологическим данным, захоронение подростка по времени было произведено раньше, чем мужчины и женщины. Следовательно, радиоуглеродный возраст 323 г не отражает реальное положение дел.

Для установления даты погребального комплекса кургана 9 важными представляются данные радиоуглеродного возраста костяка 2, так как именно при нем находились предметы (фибула, калачиковидные серьги), признанными надежными хроноиндикаторами хронологической группы I.

Исходя из радиоуглеродного возраста данного костяка, установленного 253 г, а также костяка 3, следует заключить, что дата закрытого комплекса приходится на первую половину – середину III в. н.э. Этим же временем необходимо датировать комплекс погребения кургана 10, так как в составе погребального инвентаря присутствует фибула, аналогичная фибуле из погребения кургана 9. Ранее, при первой публикации материалов раскопок кургана 9, дата погребального комплекса определялась нами первой половиной – серединой III в. [Султанова, Сунгатов, 2017. С. 41]. С учетом данных радиоуглеродного анализа, предложенную дату погребения кургана 9 необходимо признать правильной.

При рассмотрении корреляционной таблицы взаимовстречаемости хронологически значимых предметов, куда были включены хроноиндикаторы из погребений курганов 9-10 и данных радиоуглеродных возрастов трех костяков, мы можем констатировать несовпадение дат, установленных археологическим инструментарием и методом радиоуглеродного анализа. Так, группа I взаимосвя-

занных предметов В.Ю. Малашевым датирована второй половиной II – началом III в., в то время как радиоуглеродный анализ дату этой группы определяет 253 г., т.е. серединой III в.

При условии, что радиоуглеродные даты костяков 2-3 из Темясовского могильника достоверны, очевиден вывод, суть которого заключается в необходимости корректировки в сторону омоложения даты группы 1, а, следовательно, и групп 2-3. Однако для проведения ревизии хронологических позиций групп взаимосвязанных предметов требуется как пополнение источниковой базы по гунно-сарматскому периоду, так и получение достаточно большой серии радиоуглеродных дат.

В целом, хронологические рамки Темясовского могильника, судя по месту в таблице взаимовстречаемости еще двух комплексов (рис. 6), содержащих соответствующие хроноиндикаторы, следует в свете данных радиоуглеродного анализа ограничить первой половиной – серединой III в. н.э.

Относительно этнокультурной принадлежности исследованных комплексов и всего Темясовского могильника следует помнить, что при публикации его материалов предшествующие авторы пришли к выводу, что его следует относить к позднесарматскому населению Урала и Поволжья. При этом они обращали внимание на своеобразие могильника, которое выражалось в преобладании коллективных захоронений [Пшеничнюк, Резяпов, 1976. С. 148-149]. Эта особенность погребального обряда параллели среди памятников гунно-сармат Урала-Аральского региона не имеет.

Несколько по-иному рассматривают памятники темясовского круга челябинские коллеги. Анализ накопленного материала по периоду II-IV вв. позволил им установить различия между синхронными урало-казахстанскими и нижневолжскими памятниками как по погребальному обряду, так и по составу инвентаря, что послужило основанием

Рис. 6. Таблица взаимовстречаемости хронологически значимых разновидностей погребального инвентаря в комплексах Южного Приуралья (по В.Ю. Малашеву [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 210], дополненная Ф.А. Сунгатовым)

Список хроноиндикаторов и индикаторов синхронизации: 1 – сильнопрофилированные фибулы вар. 1 и 2 со спинкой из узкого стержня; 2 – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и плавно изогнутой спинкой; 3 – зеркала-подвески с боковой ручкой и орнаментированной обратной стороной; 4 – сильнопрофилированные фибулы вар. 2 и 3 с пластинчатой спинкой; 5 – лучковые одночленные фибулы вар. 4 и 5; 6 – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и колечато-изогнутой спинкой; 7 – зеркала с центральной петлей; 8 – украшения из бусин, нанизанные на металлическую проволоку, с чередующимися спиральными пронизями; 9 – полые серьги калачековидной формы с проволоочной дужкой; 10 – крупные одночленные фибулы, повторяющие схему лучковых, с широкой раскованной орнаментированной ножкой; 11 – горшки с орнаментацией плечиков коническими выступами; 12 – пружинные одночленные фибулы гр. 13 с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбической спинкой

Сокращения названий памятников: Андр. – Андреевка; БК – Большекараганский; Дерб. – Дербенево; Б.Дм. – Большая Дмитриевка; Др. – Друженский; ЛебV и ЛебVI – соответственно, Лебедевские V и VI могильники; П10 – Покровка 10; Сар. – Саранжин; Тем. – Темясово; Ус. – Усатово; Цел. – Целинный; Шатр. – Шатрово

Fig. 6. Table of the mutual occurrence of chronologically significant varieties of burial implements in the complexes of the Southern Urals (according to V. Malashev [Малашев, Яблонский, 2008. Fig. 210], supplemented by F. Sungatov).

List of chronological and synchronization indicators: 1 – highly profiled brooches, var. 1 and 2 with a narrow rod back; 2 – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and a smoothly curved back; 3 – suspension mirrors with a side handle and an ornamented reverse side; 4 – highly profiled brooches, var. 2 and 3 with a lamellar back; 5 – onion-like single-member brooches, var. 4 and 5; 6 – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and an arched back; 7 – mirrors with a central loop; 8 – jewelry made of beads strung on a metal wire, with alternating spiral beads; 9 – roll-shaped hollow earrings with a wire bow; 10 – large single-member brooches, repeating the scheme of the bow-shaped brooches, with a wide, laxly ornamented stem; 11 – pots with ornamented “shoulders” with conical protrusions; 12 – spring single-member brooches, gr. 13 with a curl at the end of a solid plate receiver and a rhombic back.

List of abbreviations of the names of monuments: Андр. – Andreevka; БК – Bolshekaragan; Дерб. – Dербenevo; Б.Дм. – Bolshaya Dmitrievka; Др. – Druzhny; ЛебV and ЛебVI – Lebedevsky V and VI burial grounds respectively; П10 – Pokrovka 10; Сар. – Saranzhin; Тем. – Temyasovo; Ус. – Usatovo; Цел. – Tselinny; Шатр. – Shatrovo

Рис. 7. Хроноиндикаторы и индикаторы синхронизации. Нумерация позиций соответствует нумерации разновидностей предметов погребального инвентаря в таблице взаимовстречаемости. Приводится по В.Ю. Малашеву [Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 211]

Fig. 7. Chrono and synchronization indicators. The numbering of positions corresponds to the numbering of varieties of items of burial implements in the table of mutual occurrence. Given according to V. Malashev [Malashev, Yablonskij, 2008. Fig. 211]

для выделения древностей степной зоны Южного Приуралья в отдельную культуру – гунно-сарматскую [Боталов, 1993. С. 142; Древняя история ..., 2000. С. 223, 256-288], сложение которой во многом связано с импульсом, данным с востока хуннами.

На восточный импульс указывают данные краниологии, установившие наличие смешанного монголоидно-европеоидного типа погребенных. К признакам «восточной ориентации» относятся лопатообразная форма резцов и коленчатая складка метаконида на зубах одного из скелетов мужчины из погребения кургана 9 (костяк 3). Такую же картину установила одонтологическая характеристика погребенных на могильнике Покровка. В частности, Н.А. Суворова заключает, что у поздних сармат этого могильника, в целом тяготеющих к западному кругу популяций, наблюдается повышение частот маркеров восточной ориентации, что, в

первую очередь, касается лопатообразности верхних резцов [Суворова, 2008. С. 88, 91].

Данный вывод также имеет подтверждение исследованиями древнего ДНК, проведенными в лаборатории Стокгольмского университета [Krzewińska et al., 2018], установившего, что мужской скелет относится к митохондриальной гаплогруппе D4q, указывающей на его восточное (азиатское) происхождение, женщины и подростка – к гаплогруппе U5b2b (табл. 2).

Здесь заметим, что население первых веков нашей эры Урало-Аральского региона не было однородным. На это указывает установленная исследователями антропологическая гетерогенность популяции могильника Покровка 10, состоявшей из трех антропологических компонентов [Малашев, Яблонский, 2008. С. 84, 98]. Об этом свидетельствует и палеоантропологический материал Темясовского могильника. Анализ генома индивидуумов

Таблица 2

Individual	95% high Cal BC	Biological Sex	MtDNA Haplogroup	Y Haplogroup
Темясово, к.2	253	XX	U5b2b	-
Темясово, к.3	235	XY	D4q	R1b1a1a2
Темясово, к.1	323	XY	U5b2b	R1b1a1a2?
Черный Яр	222	XY	T1a1	R1a1a

из могильников Черный Яр и Темясово тому еще одно подтверждение: захороненные в первом принадлежат гаплогруппе R1a1a, во втором – R1b1a1a2 (табл. 2).

Также отметим, что захороненные в кургане 9 подросток и женщина, будучи носителями G-аллеля, имели светло-коричневую пигментацию кожи. Захороненный мужчина характеризуется более темной пигментацией кожного покрова и

черным цветом волос. Достаточно высокое значение $\delta^{15}\text{N}$ (табл. 1) указывает, что рацион питания включал, помимо традиционного набора продуктов кочевника, также иную белковую пищу (пресноводная рыба). Анализ индикаторов механического стресса типа физической активности свидетельствует, что мужчина и женщина являлись всадниками [Krzewińska et al., 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / Материалы и исследования по археологии России. №8 / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2007. С. 13-188.
- АКБ: Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 260 с.
- Аксенов В.С. Зеркала из праболгарских памятников салтовской культуры Верхнего Подонечья // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 2008. С. 441-448.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР / Археология СССР. САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 140 с.
- АПБ: Археологические памятники Башкортостана (История культуры Башкортостана. Вып. 6) / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Изд-во Наука Казахской ССР, 1987. 270 с.
- Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. краевед. музей, 1997. С. 133-142.
- Беспалый Е.И. Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1. С. 213-223.
- Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 1977. №4. С. 228-235.
- Боталов С.Г. Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 122-143.
- Боталов С.Г. Коллекции гунно-сарматского периода II–IV вв. // Археология Южного Урала. Степь. Проблемы культурогенеза / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2006. С. 371-374.
- Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.
- Боталов С.Г. Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178-193.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 435 с.
- Гуцина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. 2000. С. 268-293.
- Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Том 2 / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Кривошеев М.В. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 164-190.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: МГУ, 1960. 197 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья, I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 438 с.
- Малашев В.Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и

культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 117-142.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 188-200.

Мошкова М.Г. Позднесарматское погребение могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2008. С. 243-264.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура / МИА. №142. М.: Наука, 1967. 197 с.

Пишеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 67-84.

Пишеничнюк А.Х., Резяпов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 132-149.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100-120.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 87-94.

Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Темясовский курганный могильник // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 22. 2017. № 1. С. 36-42.

Терехова Л.М., Чемякин Ю.П. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 129-138.

Хазанов А.М. Генезис сарматских зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58-71.

Krzewińska M., et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 4. 1-12. 10.1126/sciadv.aat4457

REFERENCES

Abramova M.P. Kurgannye mogil'niki Severnogo Kavkaza pervykh vekov nashey ery [Burial Mounds of the North Caucasus of the first centuries of our era] // Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke / Materialy i issledovaniya po arheologii Rossii. № 8 / Отв. ред. V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev. М.: IA RAN, 2007. S. 13-188.

AKB: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria] / Отв. ред. O.N. Bader. М.: Nauka, 1976. 260 с.

Aksenov V.S. Zerkala izprabolgarskih pamyatnikov saltovskoj kul'tury Verhnego Podonech'ya [Mirrors from the Pra-Bolgar monuments of the Saltov culture of the Upper Podonech region] // Древности yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina / Отв. ред. G.E. Afanas'ev. М.: IA RAN, 2008. S. 441-448.

Ambroz A.K. Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR [Fibulae of the South of the European part of the USSR] / Arheologiya SSSR. SAI. Vyp. D1-30. М.: Nauka, 1966. 140 с.

APB: Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana [Archaeological sites of Bashkortostan] (Istoriya kul'tury Bashkortostana. Vyp. 6) / Отв. ред. Yu.A. Morozov. Ufa: Gilem, 1996. 280 с.

Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoj GES [Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station]. Alma-Ata: Izd-vo Nauka Kazahskoj SSR, 1987. 270 с.

Bezuglov S.I. Voinskoe pozdnesarmatskoe pogrebenie bliz Azova [Military Late Sarmatian burial near Azov] // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya

v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. Vyp. 14 / Отв. ред. V.YA. Kiyashko. Azov: Azov. kraeved. muzej, 1997. S. 133-142.

Bespalyj E.I. Pogrebenie pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Burial of the late Sarmatian time in the city of Azov] // SA. 1990. № 1. S. 213-223.

Bokovenko N.A. Tipologiya bronzovykh kotlov sarmatskogo vremeni v Vostochnoj Evrope [Typology of bronze boilers of the Sarmatian time in Eastern Europe] // SA. 1977. №4. S. 228-235.

Botalov S.G. Bol'shekaraganskij mogil'nik II-III vv. n.e. [Bolshenarymski's the burial ground of the II-III centuries BC] // Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepej / Отв. ред. A.D. Tairov. Ekaterinburg: Nauka, 1993. S. 122-143.

Botalov S.G. Kollekcii gunno-sarmatskogo perioda II-IV vv. [Collections of the Hunno-Sarmatian period I-IV centuries] // Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step'. Problemy kul'turogeneza / Seriya «Etnogenez ural'skih narodov». Chelyabinsk: Rifej, 2006. S. 371-374.

Botalov S.G. Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya) [The Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: Rifej, 2009. 672 s.

Botalov S.G., Gucalov S.Yu. Gunno-sarmaty Uralo-Kazahstanskih stepej [The Hun-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifej, 2000. 265 с.

Botalov S.G. Polushkin N.A. Gunno-sarmatskie pamyatniki Yuzhnogo Zaural'ya III-V vekov [The

Hun-Sarmatian monuments of the III-V centuries southern Trans-Urals] // *Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala* / *Otv. red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifej*, 1996. S. 178-193.

Vadeckaya E.B. Tashtytskaya epoha v drevnej istorii Sibiri [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 435 s.

Gushchina I.I., Firsov K.B. Kurgany u derevni Mashevki, kolonii Norka i stancii Lebyazh'e v Balashovskom i Kamyshtinskom uezdah byvshej Saratovskoj gubernii (po materialam raskopok A.A. Spicyna v 1895 g.) [Burial Mounds near the village of Mashevka, Mink and Swan colony at Balashov stations and the Kamyshtin uyezds of the former Saratov province (on materials of excavations by A.A. Spitsyn in 1895)] // *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 3. 2000. S. 268-293.*

Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e [The ancient history of the southern Trans-Urals]. Tom 2 / *Otv. red. N.O. Ivanova. Chelyabinsk: YuUrGU, 2000. 494 s.*

Klepikov V.M., D'yachenko A.N., Blohin V.G., Krivosheev M.V. Issledovaniya kurganov u sel Plemhoz i Moiseevo [Research of barrows near the villages of Plemkhov and Moiseevo] // *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej. Vyp. 3 / Otv. red. I.V. Sergakov. Volgograd: VolGU, 2006. S. 164-190.*

Kropotov V.V. Fibuly sarmatskoj epohi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina, 2010. 384 s.

Kyzlasov L.R. Tashtytskaya epoha v istorii Hakassko-Minusinskoj kotloviny [The Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk basin]. M.: MGU, 1960. 197 s.

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priural'ya, I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral sea region. I millennium B.C. – I millennium A.D.]. M.: Vostochnaya literatura, 1996. 438 s.

Malashev V.Yu. Central'nye rajony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central regions of the North Caucasus in the late Sarmatian time] // *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym). Materialy seminarov Centra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov. Vyp. III / Otv. red. A.S. Skripkin. Volgograd: VolGU, 2010. S. 117-142.*

Malashev V.Yu., Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [The steppe population of the southern Urals in the late Sarmatian period. Based on the materials of the Pokrovka 10 burial ground]. M.: Vostochnaya literatura, 2008. 365 s.

Moshkova M.G. Fibuly iz pozdnesarmatskih pogrebenij Yuzhnogo Priural'ya: voprosy hronologii i proizvodstva [Fibulae from the late Sarmatian burials

of the southern Urals: questions of chronology and production] // *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. 2000. Vyp. 3. S. 188-200.*

Moshkova M.G. Pozdnesarmatskoe pogrebenie mogil'nika «Tri brata» [Late Sarmatian "Tri brata" burial ground] // *Problemy sovremennoj arheologii: Sb. pamyati V.A. Bashilova / Otv. red. M.G. Moshkova. M.: Taus, 2008. S. 243-264.*

Pletneva S.A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura [From nomads to towns. The Saltovo-Mayatskaya culture] / *MIA. №142. M.: Nauka, 1967. 197 s.*

Pshenichnyuk A.H. Derbenevskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni v Zapadnom Priural'e [The Derbenevsky burial mound of late Sarmatian time in the Western Urals] // *Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1992. S. 67-84.*

Pshenichnyuk A.H., Rezyapov M.Sh. Temyasovskie kurgany pozdnesarmatskogo vremeni na yugovostoke Bashkirii [The Temyasov kurgans of late Sarmatian time in the South-East of Bashkiria] // *Drevnosti Yuzhnogo Urala / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR, 1976. S. 132-149.*

Skripkin A.S. Fibuly Nizhnego Povolzh'ya [Fibulae of the Lower Volga region] // *SA. 1977. № 2. S. 100-120.*

Skripkin A.S. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej ery [The Lower Volga region in the first centuries of our era]. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1984. 150 s.

Suvorova N.A. Odontologicheskaya harakteristika rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (predvaritel'noe soobshchenie) [Odontological characteristics of the early nomads of the southern Urals based on the materials of the Pokrovka 10 burial ground (preliminary report)] // *Malashev V.Yu., Yablonskij L.T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10. M.: Vostochnaya literatura, 2008. S. 87-94.*

Sultanova A.N., Sungatov F.A. Temyasovskij kurgannyj mogil'nik [Temyasovsky Kurgan burial ground] // *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. T. 22. 2017. № 1. S. 36-42.*

Terekhova L.M., Chemyakin Yu.P. Novyj mogil'nik rannego zheleznoego veka v Chelyabinskoj oblasti [New burial ground of the early Iron Age in the Chelyabinsk region] // *Istoriya i kul'tura sarmatov / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1983. S. 129-138.*

Hazanov A.M. Genezis sarmatskih zerkal [The origin of the Sarmatian mirrors] // *SA. 1963. № 4. S. 58-71.*

Krzewińska M., et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // *Science Advances. 4. 1-12. 10.1126/sciadv.aat4457*